

Волантис принял Авута и его команду на долгие три месяца, за которые они успели обзавестись славой хороших гладиаторов, распространив прозвище Кровавые пальчики, а так же еще парочку «титолов», что прикипели к воспитанникам Прасета и здесь. Небольшой контракт на сопровождение каравана до Селориса, в ходе которого им пришлось отбиваться от группы дотракийцев, очень быстро расставшихся сначала со своими конями из-за стрел, а потом и с жизнями, принес отряду чуть больше двух сотен золотых. За ним же и еще несколько купцов решили нанять Патриарха, успевшего присвоить отряду имя - Рубиновые Маски, чуть переделав прозвище, которым его и парней наградили видевшие как кровожадно действует команда, буквально купаясь в крови врагов во время схватки. Авут даже начал задумываться - может именно поэтому многие получают ранения. Из-за его маниакального желания сражаться, что он привил своим воспитанникам и медленно вкладывает в головы наемников и прочих искателей удачи, что стекались под его крыльями, доходя числом уже до полутора сотен.

За это время Хозар, все это время только и торчавший возле горна и наковальни, настолько порадовал и впечатлил мастера из кузнечной артели, что тот обучил парня не только премудростямковки, но и тому, как работать с валирийской сталью. Не бесплатно конечно, и после десятков часов лекций и примеров показанных со стороны, да и выкованный кинжал не было дозволено с собой забрать, но факт есть факт - в отряде был не просто кузнец, а человек что способен работать с одним из самых дорогих материалов мира.

Томмен Коготь и еще двое стрелков, что показали себя с наилучшей стороны получили свои луки из драконьей кости, что оправдала свою цену и славу, и вправду позволяя запускать стрелу ровно в цель почти на две сотни метров, а с потерей курса на все три сотни метров, что было куда дальше чем все остальные. Северянин был разорен после покупки, но крайне доволен и уже во время первого заказа показал, что с ним он готов на куда большие подвиги.

Но как бы то не было, всем в отряде хотелось больше, какого-то крупного дела, кровавого заказа, что принес бы удовлетворение и золото. И вот новый клиент наконец позволил им покинуть Волантис, намереваясь отправиться в Вольный город, что известен своими наемниками - Тирош. Почти три недели пути от крайней точки бухты, где расположился город назвавшийся потомком Древней Валирии, но получивший по шапке и ставший просто городом с богатым прошлым, что подмял под себя остальные колонии поблизости.

Новый корабль типа каракка неся по волнам словно рожденный для водной стихии зверь. Немного нелепая форма, чем-то похожая на женское тело с тонкой талией и пышными формами, и две мачты с белыми парусами, украшенными узором из переплетающихся желто-красных линий, вместительный трюм и фигура рогатого дракона разинувшего пасть в ужасном, беззвучном реве на носу судна. Так выглядел корабль, что сопровождал очередного торговца, что дал веский повод помимо скуки, Рубиновым маскам отправится в место откуда уже некоторое время приходят вести о грядущей войне за территории и общем сборе наемников.

Но путь через Лис, известный как город шлюх и прочих развлечений, и Ступени, они же острова, что стали прибежищем для пиратов даже большим чем те же острова Василиска, не мог пройти спокойно, даже не будь в сопровождении торговой галеры Авута, просто таки притягивавшего к себе сражения со сбродом всех мастей. Вот и два пиратских нападения не заставили себя ждать. Выстрелили словно две стрелы сорвавшиеся с лука стрелка-любителя с небольшим промежутком и обе ушли в никуда. Палубы, залитые кровью и заваленные трупами, что после были сброшены в море, на прокорм рыб.

Благодаря скорости своего корабля, отряд Авута вырывался вперед и проходя мимо открывал огонь из всех стрелковых приспособлений, что только были. Конечно стрелять на раскачивающейся палубе по не менее шатавшимся врагам, да еще и на ходу- дело неблагоприятное, но у Прасета было три месяца и он совершенно не желал тратить время между заказами просто так, с утроенным рвением тренируя своих людей, выходя в свободную воду и заставляя парней вставать на плот, после чего давал приказ стрелять в скинутые в воду пустые бочки. Тот, кто добивался приемлемого успеха по возвращению отправлялся на тренировочные бои с такими же счастливицами, в то время как неудачников ждала «волчья клетка» - упражнение, когда одного человека окружало несколько других (все, включая «заключенного», получали деревянные мечи) и начинали колотить его как можно более непредсказуемо. В это же время человек в кругу должен был вертеться, крутиться, уворачиваться, сворачиваться и складываться, чтобы уклониться, заблокировать или парировать сыплющиеся удары. Были и другие занятия, что сочетали в себе упрощенную версию дыхания клана Прасет и физические упражнения, как стандартные, так и не очень.

Конечно и Авут не отказывал себе в возможности потренироваться, а в его случае это было скорее размяться, принимая участие в большей части упражнений и наказаний.

Все что принадлежало пиратам становилось собственностью Рубиновых масок, убивших их, а сами морские разбойники прощались со свободой всего за десяток золотых монет за человека, переправляясь на торговую галеру и становясь живым товаром в руках торговца. Их корабль же получал минимальный экипаж и отправлялся следом за караваном, как очередной временный спутник, которого ждала продажа. Таким образом Волантис покидали каракка и галера, а в порт Тироша вошли эти же двое и следом за ними три когга, один из которых тащил за собой барку на сорок весел, груженую разным хламом, что с собой возили пираты. Ящики с семенами, фруктами, а так же свертки папируса и дешевой ткани, все это пошло на продажу по прибытию.

К тому моменту, как все дела по продаже награбленного барахла с кораблями (за исключением одного когга, что стал частью «флота» Авута) и покупке припасов были завершены выяснилось, что война не просто разгорается, а уже началась! Пока случались только мелкие, не связанные друг с другом стычки, но Спорные земли Эссоса начали обагряться кровью. Прямо в порту какой-то тирошийский дворянин собирал наемников всех мастей, обещая золото, походных девок и трехразовый паек. И кровь, огромные пинты крови, что польются в столкновениях с солдатами Мира. Авут просто не мог устоять против этого.

Сняв дом для всех кто не мог сражаться в силу возраста или пола и наказав им ожидать, Прасет собрал все полторы, с лишним, сотни бойцов и отправился в бой вместе с другими отчаянными авантюристами, продавшими свои мечи за золото.

Земля вздрагивала под ногами от топота приближающейся конницы и солдат, что шли за ней. Врагов было много и они явно уже были настроены на победу. Еще по пути к месту битвы Авут не раз слышал о том, как главные в их полку шушукались, о том что мирийские наемники уже дважды разгромили тирошийцев и теперь намерены взять все плоть до берега одним рывком. Командование собиралось дать решающий бой на небольшом холмистом плато, но для этого нужно было собраться в один большой кулак, готовый дать отпор и придумать план.

И план у тирошийских генералов был, они попросту выбросили все наемничьи отряды с сомнительной репутацией на фланги, оставив центр укрепленным и высоко подняв символы своего города, давая понять врагу где находится голова войска. С одной стороны - самоотверженный и опасный план, но с другой в их распоряжении было чуть больше четырех тысяч конников и около трех тысяч пехоты, не считая разрозненные отряды стрелков. Ну а дальше бойцам Тироша оставалось ждать лишь дальнейшего развития событий - пойдет ли враг в центр и подставится под удар с флангов, решит окружить или все же пропорционально разделит свои силы, для масштабной атаки.

И вот время пришло. Авут почувствовал, как его духовный радар напрягается и трепещет, предвещая тысячи живых разумов и душ, что шли к ним. Он со своим отрядом, а так же еще несколько слабо известных сборищ вольных клинков вышли чуть дальше чем полагалось бы при наступлении войска, что превосходит не то что небольшую кучку на фланге, а целую союзную армию, и словно приманивая их застыли в полный рост. Так Прасету говорили инстинкты и он не собирался от них отмахиваться, доверившись диким ощущениям, наполнявшим его от пяток до самого мозга.

И вот враг повернул. Конница оставляла за собой облако пыли, скача во весь опор по засушливой земле, оставляя позади пехоту. Не меньше двух тысяч всадников, что стремились настичь врага двигались на неровный строй наемников.

На мгновение Авут погрузился в мысли, вспоминая те времена когда он только-только стал Патриархом, старейшим из представителей клана. Были ли при нем такие массовые сражения, или они были куда более масштабными? Воспоминания выскакивали одно за другим, галопом проносясь перед глазами и открывая зрелища кровавых баталий, что сопровождались взрывами энергии, молниями и огнем, всепожирающим и не знающим пощады. Землетрясения, цунами, огненные штормы и растущие под ногами целых армий горы, острые словно пики, все это оставалось далеко позади и становилось лишь воспоминания, по мере того, как человечество и мир развивались. Больше армии не сходились друг с другом, больше не гремели повсеместные баталии, больше не лились моря крови. Все стало спокойным, умеренным, стерильным. Но сейчас все было по-другому. Этот мир еще не дошел до той грани, что разграничивает типы мировоззрения; он словно застыл в своем развитии, как представление в театре, ожидающее главной развязки, что даст толчок.

Враг уже был близко. Разгоряченные легкими целями в виде пехоты и громогласными победами, наемники скакали ровно под холм, на котором и застыли тирошийцы. И стоило только первым рядам кавалерии преодолеть десяток метров по склону, как Авут махнул рукой. Затрубили рога, ряды расступились и скрытые до того за спинами приспособления

выдвинулись вперед. Нелепые и угрожающе гротескные бревна со вбитыми в них заостренными сучками и ветками, колеса телег, связанные вместе и с привязанными к ним кусками острого железного мусора и просто остовы экипажей, все это после мимолетного толчка покатилося вниз, прямо на кавалерию. Грохоча и громокая, все это несло вниз, словно сотни безумных маленьких ураганов.

В последний миг враг попытался развернуться, но уже ничего нельзя было сделать – позади и по бокам были своим, а весь холм превратился в одну большую ловушку. Разогнавшиеся бревна влетали в лошадей, ломая ноги и насаживая тела на сучья, разрывая плоть и проходясь по спинам упавших. Колеса подскакивали перед препятствиями, вырывая крючьями куски плоти при удаче вгрызаясь в спину или грудь подвернувшегося, но чаще просто шумно вылетая перед лошадьми, вколачивая в их головы туманящий страх или попадая под копыта и роняя массивные тела в кучу, превращая поле в настоящую свалку.

Но как бы хороша не была ловушка, всех в нее не поймать. Наемники обходили кровавую вакханалию, что развернулась в центре, заходясь с боков и сходясь несколькими линиями, что словно волны устремлялись к рядам тирошцев, застывших словно прибрежные скалы.

Вновь прозвучали горны. И сотни стрел устремились вниз по склону, словно черный дождь падая на кавалеристов. Один за другим они падали из седел, вихлялись и валились на землю, их лошади с диким ржанием, что словно предсмертный вой разносились по округе падали от ран, погребая всадников под собой. Люди сзади, не успев перепрыгнуть или замешкавшись на резком повороте падали следом, образуя маленькие кучки визжащих и воющих тел в крови и судорогах, словно скопления насекомых, что прячутся в грязи. Но враг все еще не пал – их ряды не дрогнули даже в момент, когда больше половины из них уже были мертвы или не могли сражаться. Кони и всадники, переполненные желаниями мести за товарищей и познанный страх, стремительно неслись вверх под непрекращающимся потоком стрел.

Новый рев рога предвестил о последней части ловушки. Вперед шагнули люди с арбалетами, их слитный залп превратился в один громкий щелчок и болты росчерками впились в тела людей и животных. Словно трава в сенокос кавалеристы рухнули, образуя на земле кривую линию. Арбалетчики шагнули назад, а вверх взмыли копыта и длинные жерди. Момент столкновения потонул в пронзительном, оглушающем реве человеческой стихии, что породила гром.

Авут был на острие атаки. Он выбросил копье, насаживая на снаряд всадника и в следующий же миг выходя чуть вперед, нанося удар. Конь следующего врага лишился головы и в строй позади Патриарха полетели лишь лошадиная морда и вылетевший из седла визжащий мужчина. А дальше Авута сотряс удар.

Он вскочил всего через миг, тут же вновь падая и вертась под ногами мчащихся вперед зверей, между беспорядочного мельтешения и падающих трупов. Авут рубил снизу, по ногам и копытам, подрезая ноги и тыкая наугад. Шлем что он нахлобучил еще перед боем слетел еще в момент второго падения, а один из сапогов все норовил последовать за железным головным убором. Кровь залила глаза и все лицо, он чувствовал, как горячая алая жидкость попадает за ворот и впитывается в рубаху под стеганкой. Рукоять из драконьей кости была единственным предметом, что не подводил, она не выскальзывала, крепко застряв в пальцах и черный меч

продолжал рубить и колоть, разрезая плоть словно ветер колышет траву.

Наконец он вскочил, смахивая с лица кровь и встречаясь лицом к лицу с врагом. Тот ударил сверху, его меч свистнул, рассекая бровь и заливая один глаз кровью. Авут зарычал, его рука дернулась в тот же миг, как мимолетный укол боли пронзил лицо. Клинок врага опал в кровавое месиво вместе с кистью, отрубленной почти по локоть, а сам наемник уже через миг был разрублен пополам прямо в седле.

Не теряя времени Прасет набросился сбоку на другого всадника, тут же сходясь с ним в мимолетной схватке на мечах, но секундное промедление стоило врагу жизни. Кончик влирийского меча пробил грудь в районе сердца и легко повернувшись, со скрежетом, что отдался в руках, вышел из падающего с седла тела.

-Победа и Кровь! – взвыл Патриарх и его поддержали десятки голосов.

Авут нагнулся, на миг поднимая копье из пальцев мертвеца, и тут же устремляя его острие в спину врага, нанизывая его словно сочный кусок мяса на вертел. Чуть потянув за древко, он вырвал оружие обратно и перехватив – метнул прочь, вбивая наконечник в бедро лошади, превращая ее из верного скакуна в безумно брыкающегося зверя с кровавой пеной изо рта. Новый враг отвлек от завораживающего зрелища и Авут разрубил его топор. Ваг бросился бежать, и Прасет уже сошелся с пешим наемником, что видимо слетел с коня. Серый меч врага плясал из стороны в стороны, словно изображая огромные ножницы, но Патриарх резко прыгнул вперед в момент замаха, хватая свой меч обоими руками и вплотную вбивая его под нагрудник, валя мужчину на землю.

Поднявшись с колен, Авут посмотрел вокруг. Бой практически кончился – враг либо отступал, либо гиб под мечами и копьями наемников Тироша. Пехотинцы Мира за время схватки придвинулись вплотную к холму и теперь маршировали вверх по склону, уже почти подойдя к кровавому месиву, что устроили бревна и колеса. Вдалеке кипел бой, с места Прасета можно было лишь разглядеть реюющие штандарты и огромную свалку, что устроили наемники посередине холма. Видимо другой фланг командующие Мира посчитали не слишком опасным и ударили в лоб, а теперь оказались зажаты в угол. Но их все еще было больше.

-Отступаем! Хватайте тех, кого можно унести! Все к «яме», живо!

Голос Авута услышали ближайшие и тут же передали его дальше, а затем еще дальше и так далее по цепочке. Разрушенный строй пришел в движение, люди спешно вскакивали с земли, хватали кого попало из тех, кто не был одет в накидку Мира или не имел повязки с цветами этого Вольного города и устремлялись прочь от холма, спускаясь с него в низину, для удобства прозванную ямой. Словно крысы наемники отступали прочь, изображая бегство и заманивая врага. Ловушка была примитивна, но ее поставили, и она должна была сработать.

Бросив последний взгляд на врагов, Авут ухмыльнулся и подняв с земли арбалет с болтом, а так же копье, устремился за остальными солдатами удачи.

С другой стороны, они замерли у подножия холма, пряча раненных в тылу и сбиваясь в строй, чем-то напоминавший кривой прямоугольник, что огибал холм, плотно вставая к друг другу, оставляя лишь минимум для маневра. Отставшие заканчивали приводить ловушки в пристойный вид – убирали пометки, чтобы свои не попались, проверяли маскировку и тут же бежали в гущу своих товарищей. Враг с каждой секундой был все ближе, их яростные крики эхом разносились по округе, сливаясь с доносящимися с центра, прерывая завывания ветра, пляшущего между холмов. И вот на вершине показались первые враги, блестящие шлемами и наконечниками копий, они застыли на месте и обернувшись призывали своих товарищей присоединиться к ним поскорее. Звучали рога, слышались подгоняющие команды, и вскоре целая лавина людей сошла с вершины, бесконечным цветным потоком устремляясь вниз.

Спуск с холма давал им разгон и они бежали вперед, выставив копья и помахивая клинками. Сбежавшие ранее всадники мчались среди них, то выбиваясь вперед, то отставая от общей массы.

Авут чувствовал, как в его людей растет напряжение, не смотря на все приготовления, не смотря на план и свою стойкость с кровожадностью они чувствовали это давление, что разносил приближающийся враг. Но Прасет не мог пока ничего сделать, застыл в ожидании и выполняя дыхательную технику – медленно разгоняя энергию по телу. И вот ловушки сработали. Самые настоящие, примитивные волчьи ямы. Древнейшая ловушка, что прожила столь долго, доказывая свою эффективность.

Наемники проваливались под тонкую веточную крышку, налетая на вкопанные на дне деревянные шипы, что впивались в их тела. Один за другим они падали, оступались или налетали друг на друга, валясь в ямы и превращаясь в нанизанные на иглы бабочек, безрезультатно дергающихся в предсмертных судорогах. Чья-то нога угодила в «стополомку», кто-то свалился, но выжил, а следующий несчастный налетел на него сверху и они оба были проткнуты.

Но пара линий из ям с кольями на дне не могла остановить наступление нескольких тысяч солдат, наемники один за другим преодолевали ловушки ценой жизни соратников, благодаря удаче или проснувшимся инстинктам, что позволяли им разглядеть опасность, но они шли вперед, все так же быстро спускаясь по холму. Правда их рать двигалась уже как бессвязная толпа.

-Копья! – взвыли командиры отрядов и тирошийцы пришли в движение.

Строй заколыхался, словно озеро, на которое налетел ветер, вверх поднялись десятки щитов, образующих стену, из-за спин первых рядов показались копья, третий и четвертый ряды мешались друг с другом, образуя адскую кашу из лучников, мечников, топорщиков и копейщиков. Враг налетел как лавина сошедшая с гор на поселок и щитоносцы не дрогнули, выдержав, как выдержала бы добротная крепостная стена.

Авут ударил рукой с зажатым в ней копье, протыкая брюхо и дергая обратно, вырывая вместе с потоком бурой крови розовые потроха. Следующий удар скользнул по боку очередного наемника и пробил ногу бегущего за ним, но на этом все – пришлось бросить копье, драка

переросла в ближнюю свалку. Валирийский меч опустил на прикрытый меховой шапкой череп, располовинивая голову врага, проделал путь чуть вбок, вгрызаясь диким зверем в руку другого, но вскоре мог лишь колоть, нанизывая врагов на клинок двумя руками, чтобы хоть как-то компенсировать малый размах. По боку скользнул клинок в ответ, на плечо опустил сотрясающий удар топора, но посыпавшаяся после столкновения кольчуга и стеганка выдержали, спасая от ран. Рука правда все же на пару мгновений отнялась, но Прасету уже не было нужды в обоих.

Патриарх зарычал и рывком сблизился с ближайшим врагом, снося его словно таран ворота. Барахтаясь в кровавой каше он бил мужчину по лицу, махая конечностями, словно утопающий, валя мельтешащих вокруг людей. С трудом вонзив меч, он рухнул на колени рядом, исчезая из линии обзора мирийцев и махая мечом у них в ногах. Все превращалось в огромную кашу, люди падали один за другим и от крови, распространявшей тошнотворный запах, уже не было видно и кусочка чистой земли. Схваченный двумя руками валирийский меч резал плоть не только врагов, но и своего хозяина, но Авут упорно продолжал метаться в ногах наемников, выскакивая как черт из табакерки и пронизывая их.

Найдя лазейку он поднялся посреди строя мирийских арбалетчиков, взмахивая клинком по широкой дуге, снося за раз две головы. Следующий взмах рассек еще одного арбалетчика по косой через плечо, так еще и задел ногу другого. Болт впился в ногу, пробивая голень и Авут вновь зарычал диким зверем, но не остановился и не отвлекся, лишь махая мечом с большим усердием, он рубил врагов. Восемь человек успел выбить, прежде чем на этом участке расклад сил покачнулся – оставшиеся щитоносцы раскрылись, выпуская свежую силу задних рядов и те ураганом смертоносной стали смели наемников Мира.

Столкнувшись лбами и опрокинув последнего мирийца, Прасет вспорол ему грудь небрежным ударом и вновь нырнул в ноги людей, гуськом пробегая через все поле и подрезая незащищенные ноги.

Кровавая бойня поглотила Патриарха полностью, он ползал в грязи крови, в выпущенных кишках и отрубленных конечностях, среди трупов и раненных, словно червь, словно змея, что наносит смертельный укус. Знакомые и незнакомые лица переплетались между собой, сливаясь в лики войны. Командующий отряда «Веселые топорщица» лежал под тремя трупами с рассеченным лицом, рядом привалился один из воспитанников Авута, а вон там виднелись трое наемников из «Рубиновых масок», растоптанные и проткнутые, превращенные в месиво среди такого же месива.

Подкатившись под ноги одному из мирийцев, Авут опрокинул его на землю и навалившись сверху. Только меч уже не мог помочь, оперевшись к вплотную прижавшемуся телу, лишь легкие небрежные тычки эфесом и мог сделать парень. Благо и у наемника все было так же и его клинок со скрежетом бесполезно терся о кольчугу. Барахтаясь, они покатались по грязи, мутузя друг друга, царапаясь и ругаясь, покуда Авут не выпутал руку и стальная хватка пальцев не сомкнулась на глотке врага. Глаза вновь залила кровь и Прасет покатился, забарахтался в сторону, ощущая, как на него наваливаются все новые и новые мертвые тела. Карабкаясь и пытаясь, словно человек что погребен под лавиной, Патриарх полз и карабкался, хватаясь за тела и землю.

Уперевшись в новые ноги со спины, он с хохотом подскочил, хватаясь за врага и опрокидывая его на землю. На ощупь Авут нашел незащищенную глотку, хватаясь за нее одной рукой, пока другой соскребал кровь с глаз. Раскосое, смуглое лицо, все покрасневшее и с вислыми усами уперлось в него с дикой ненавистью. Авут улыбнулся ему и повел руку в сторону, вырывая глотку залетного дотракийца. Бросив взгляд в сторону он увидел знакомые сапоги, с глуповатым узором, вышитым синими нитками. Перехватив меч, Авут с ревом подскочил на ноги. И тут же бросился вперед, наваливаясь на спину разделявших его с товарищами врагов, сваливая их в грязь и сталкиваясь лицом к лицу с Милтосом.

-Капитан! – радостно воскликнул браавосиец и насадил на клинок глотку выскочившего со спины Патриарха врага.

Его лицо было в мелких порезах, рубаха с жилеткой растрепались, напоминая кровавые лохмотья, а на кольчуге местами зияли проплешины от особо сильных ударов. Шляпа, которую он снял с одного из пиратов и которой крайне гордился – исчезла с его головы, оставив лишь контуры на коже. Но в целом он был жив, здоров и вполне бодр для человека застывшего на передовой непрерывной битвы. К тому же Авут чувствовал в своем подопечном движение энергии, он использовал дыхание, которому его учил Патриарх, видимо осознав пользу.

Прасет шагнул вперед, выбрасывая клинок в резком тычке и нанизывая глотку подвернувшегося наемника. Отпрянув, он рубанул по копыю разорвавшему кольчугу на боку, а потом и по рукам, что его держали. Взгляд Патриарха заметался по округе, наслаждаясь видом и оценивая. Левый фланг начали теснить, как и центр, в то время как воины справа все еще пользовались выигранным преимуществом, удерживая позиции. Сплюнув, Авут подхватил скользящее в пальцах копьё и несколько раз взмахнул им над головой, рассекая со странным свистом воздух.

-Воронка! В воронку! Двигайтесь, ублюдки, Слушайте Приказ!

И люди шевельнулись. Ожидавшие хоть чего-то, хоть каких-то слов и готовые уже бежать люди услышали план, услышали команду и принялись за ее исполнение. Центр прогнулся, отходя назад, на еще чистую землю, раненные в тылу поползли, заковыляли или вставали в строй, копейщики оцетинились копьями, словно еж, держа врагов на расстоянии. На миг Авут увидел Томмена Когтя, держащегося за руку и ковылявшего за спины первых рядов, его лук из драконьей кости болтался за спиной в пустом колчане. В рог трубил Сэм, а его брат-близнец прикрывал, подняв щит и яростно махая мечом, они оба пятились, пока не уперлись спинами в своих. На правом фланге мелькнула залитое кровью лицо Хозара, что тяжело опирался на ревущего иббенийца, несколько воспитанников и валирийцев сбились вокруг них.

Авут и Милтос оказались почти в самом «дне» воронки, в самом жарком месте, что превратится в настоящий ад, когда наемники перестанут опасаться и примут отступление и маневр за трусость и попытку организованного бегства. После ловушка захлопнется, фланги сомкнутся с боков и за спиной у врагов и те окажутся в котле с закрытой крышкой. Простой план, других Авут и не знал.

-Победа и кровь! – громогласно крикнул он.

-Победа и кровь! – поддержали его.

С хохотом Авут Прасет взмахнул мечом, лишая первого врага жизни, а потом другого и следующего за ним. Он рубил и колол, пихался и пинался, бил кулаком и эфесом, наотмашь взмахивал мечом, звонко сталкивался лбом с другим. Он был в своей стихии, утопая в ней, растворяя и удовлетворяя низменную потребность недостойную великого Патриарха.

Но ему было приятно и клан его сейчас был далеко. А потому Авуту было плевать. Он был на войне, в мясорубке. Пока дома.

<http://tl.rulate.ru/book/48855/1217548>